

ВЛАДИМИР ДЯДИЧЕВ

ЛИЛЯ БРИК

**ЕДИНСТВЕННАЯ МУЗА
ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО**

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Д99

Дядичев, Владимир Николаевич.

Д99 Лиля Брик. Единственная муза Владимира Маяковского / Владимир Дядичев. — Москва : Родина, 2026. — 320 с. — (Главная кинопремьера года).

ISBN 978-5-00269-580-5

Судьба Лили Брик неразрывно связана с выдающимися деятелями искусства и литературы всего мира: среди её знакомых были Павел Коган, Сергей Наровчатов, Михаил Кульчицкий, Родион Щедрин, Сергей Параджанов, Андрей Вознесенский, Майя Плисецкая, а также художники Мартирос Сарьян, Марк Шагал и Пабло Пикассо. Её называли современной мадам Рекамье, обвиняли в разрушении моральных устоев и даже в гибели Маяковского. Одни её боготворили, другие ненавидели и презирали. К 85-летию юбилею Ив Сен-Лоран создал для неё специальное платье, а молодой французский романист Анри-Пьер Роше признался в любви.

Эта книга рассказывает об одной из самых магических женщин XX века и её любви с Владимиром Маяковским.

Владимир Дядичев — известный российский литературовед, специалист по истории русского зарубежья, автор биографий Марии Цветаевой и Сергея Эфрона.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00269-580-5

© Дядичев В. Н., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
В гимназии	10
Москва: начало творчества	18
Первая любовь	22
«Облако в штанах»	51
В салоне Бриков	58
Бессмертие поэта	75
Материалы к биографии О. и Л. Бриков	82
Прошлых дней изучая потемки. К истории резолуции Сталина о Маяковском	89
Читая переписку Маяковского с Бриками	137
«...Я устал, один по морю лазая»	188
Вокруг наследия поэта	250
Приложение	
Письмо Л. Ю. Брик И. В. Сталину	284
Будь заодно с гением	286
«Люблю» (Владимир Маяковский)	310

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают —

значит — это кому-нибудь нужно?

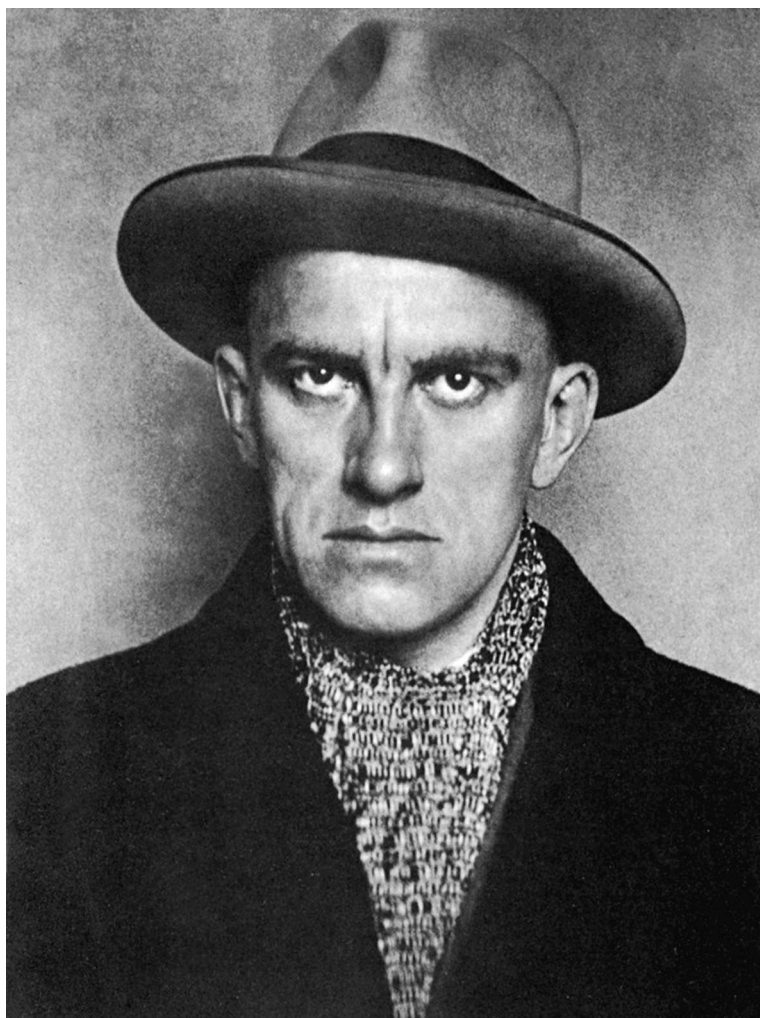
Значит — это необходимо, чтобы каждый вечер
над крышами загоралась хоть одна звезда?!

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мировой литературе, культуре и истории есть такие произведения, такие имена, с которыми мы ассоциируем смысл и сущность целых эпох. Они — как бы символы, памятники своего времени. Но не мертвые, застывшие в камне и бронзе, уснувшие на полках библиотек или в тиши музеев, а живые, дышащие страстями своего времени, дающие возможность ощутить это дыхание и нам.

Таковы пирамиды и сфинксы Древнего Египта, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гете. Таковы и произведения Маяковского.

Именно по нему будущие поколения смогут понять, почувствовать эпоху русской революции XX века, включающей в себя как собственно февраль-октябрь 1917, так и весь социалистический «шторм неба». Маяковский в грозовой атмосфере назревавших мировой войны и тектонических социальных сдвигов начала XX века, писавший обнаженными нервами, «кровью сердца», сумел выразить, запечатлеть это время, эти свершения. Его поэтическое «Я» включало в себя историю как личное переживание. Жизнь и стихи Маяковского так тесно слиты, так взаимно обусловлены, что без преувеличения можно сказать — они дополняют и комментируют друг друга. И в этой неразделимости человеческого и поэтического образа Маяковского заключена его сила, в этом секрет его власти над читателем.

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930) —
русский советский поэт.

Один из крупнейших поэтов XX века.

Помимо поэзии ярко проявил себя как драматург,
киносценарист, кинорежиссер, киноактер, художник,
редактор журналов «ЛЕФ» («Левый Фронт»),
«Новый ЛЕФ»

Но в повседневной жизни самого Маяковского, поэта и человека, были события и явления менее «глобального», «исторического» масштаба: родные и близкие, друзья и недоброжелатели, были товарищи, были женщины...

Как раз на рубеже революционных лет России в жизни поэта появилась женщина — Лиля Брик. Это имя неоднократно встречается в эти годы (1915—1923) в той или иной форме в его стихотворениях, поэмах.

«РАДОСТНЕЙШАЯ ДАТА. Июль 915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками», — писал Маяковский в автобиографическом очерке «Я сам» (1922). Правда, в дополнении к этой автобиографии, сделанном в 1928 году, он отмечал: «Многие говорили: «Ваша автобиография не очень серьезна». Правильно. Я еще не заакадемичился и не привык нянчиться со своей персоной, да и дело мое меня интересует, только если это весело».

Между тем гипнотическая, завораживающая сила лирики Маяковского столь велика и убедительна, что уже несколько поколений читателей и критиков-исследователей отождествляют реальную Лилу Брик и поэтическую «Лиличку», «Лиленьку», «Л.Ю.Б.» и т. п. Как легко отождествляют поэта Маяковского и того «Я», «Владимира», от лица которого произносятся признания, мольбы, трагические страдания, угрозы в стихах и поэмах. Так родился миф «любимой женщины Маяковского».

Вряд ли человек, который сильно страдает, будет изобретать такие поразительные гиперболы и метафоры, составлять такие необычные рифмы, аллитерации, тропы, которыми полна любовная лирика поэта. Поэтические (да и эпистолярные — адресованные Л.Ю.) признания и страдания Маяковского слишком «красивы» литературно, чтобы им полностью доверять и тем более воспринимать их как реальные факты биографии поэта, связанные именно с Лилей Брик. (Заметим, что любовная лирика Маяковского, посвященная иным женщинам, художественно не менее прекрасна, но и не менее трагична.) В поэтических

текстах Маяковского Л.Ю. выступает, в первую очередь, как повод, а не однозначная и единственная причина гиперболических, подлинных и мнимых, трагедий автора.

Однако миф о «любимой женщине Маяковского» Лиле Брик, которая умерла в 1978 году, намного пережив поэта и много поспособствовав утверждению и поддержанию этого мифа как при жизни Маяковского, так и после его гибели, стал уже фактом истории литературы.

Наша книжка, надеюсь, поможет читателю задуматься над этой историей и сопоставить хотя бы некоторые реалии и мифы прошлого.

В ГИМНАЗИИ

Владимир Владимирович Маяковский родился 7 (19) июля 1893 года в Закавказье, в Западной Грузии (Имеретии), в селении Багдади, в семье лесничего. Сам поэт в поэме «Человек» (1917) так описал свое рождение:

В небе моего Вифлеема никаких не горело знаков...

<...>

Был абсолютно как все

— до тошноты одинаков — день
моего сошествия к вам.

День был, однако, не совсем обычным. По счастливому совпадению рождение сына пришлось на день рождения отца, Владимира Константиновича Маяковского, а потому новорожденному дали имя в честь отца — Владимир.

Род Маяковских вел происхождение от вольных казаков Запорожской сечи, в истории которой как один из «самых энергичных» руководителей запорожских отрядов в XVIII веке упоминается предок Маяковских Демьян, бывший прежде «ротным писарем пикинерского полка».

Бабушка Володи по отцу, супруга деда Константина Константиновича, Ефросинья Осиповна, урожденная Данилевская, приходилась двоюродной сестрой известному писателю Г. П. Данилевскому (1829—1890), автору исторических романов «Беглые в Новороссии», «Воля», «Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва». В свою очередь, род Данилевских имел общие корни и пересечения с родословными Гоголя и Пушкина.

Маяковские принадлежали к служилому дворянству, не имевшему иных доходов, кроме содержания по службе.

Мать поэта, Александра Алексеевна, урожденная Павленко, родилась в казачьей станице Терновской на Кубани. Ее отец, георгиевский кавалер, участник двух турецких войн, капитан Алексей Иванович Павленко, ушел из жизни, когда дочери было всего 11 лет.

Отец поэта состоял в должности руководителя Багдадского лесничества, был человеком преданным делу и требовательным, но справедливым и демократичным, хорошо понимавшим нужды местного населения. Он знал не только грузинский и армянский, но и другие наречия народов Кавказа. С детства познавший нужду, он легко находил контакт с крестьянами, охотниками, рабочими. Когда в 1940 году Багдади переименовали в поселок Маяковски, многие местные старожилы полагали, что сделано это в честь памятного им лесничего — Владимира Константиновича. В частной жизни отец поэта был веселым, жизнерадостным, умным, общительным человеком, хорошо знавшим русскую литературу, любившим семейное чтение книг, новых, полученных по подписке журналов, декламацию наизусть, сам неплохо пел. Любил играть с детьми, в том числе в различные литературные и языковые игры: придумывание слов на определенную букву, каламбуры, шарады, слова-перевертыши и т. п.

От отца Володя унаследовал неповторимый по тембру «бархат голоса», склонность к декламации. И не только унаследовал, но и развил. По воспоминаниям сестры и двоюродного брата, Володя в 4—5 лет, пробуя голос, любил забираться в большие глиняные кувшины для вина — чури, вмещавшие 150—200 ведер. Брат говорил сестре: «Оля, отойди подальше, послушай, хорошо ли звучит мой голос». Читал заученные еще на слух стихотворения Маякова, Лермонтова, Пушкина. Чуть позже, уже научившись читать, поражал чтением наизусть больших прозаических

отрывков из Гоголя — «Сорочинская ярмарка», «Вий». Голос звучал громко, гулко.

Володя умственно и физически развивался быстро, заметно опережая сверстников. Отличался находчивостью и остроумием — свойства, которые также унаследовал от отца. Он обладал очень хорошей памятью, нередко удивлявшей окружающих; активно, вдумчиво, с большим интересом воспринимал все новое, что узнавал из книг, из занятий, рассказов взрослых.

В 1902 году Володя Маяковский был принят в подготовительный класс кутаисской мужской гимназии. В этой гимназии он проучился четыре года.

Учение давалось легко, оставалось время и на игры. Как-то само собой выявилось любимое занятие — рисование. Старшая сестра поэта по окончании тифлисского пансиона готовилась к поступлению в Строгановское художественно-промышленное училище в Москве. В Кутаиси она брала уроки рисования у выпускника Академии художеств С. П. Краснухи. Сестра показала ему рисунки брата. Художник заинтересовался явными живописными способностями Володи, стал заниматься с ним бесплатно. «Я рисую, и, слава богу, у нас теперь хороший учитель рисования», — писал Володя сестре в Москву. В семье стали привыкать к мысли, что Володя по примеру старшей сестры будет художником.

На уроках рисования ученики обычно зарисовывали положенные по программе гипсовые слепки, но новый учитель проводил один раз в неделю свободные уроки, на которых учащиеся могли избирать тему по своему желанию и вкусу. Уже в этих школьных рисунках проявился сатирический талант Маяковского. Его шаржи и карикатуры, особенно в период 1905 года, когда весь Кутаиси и гимназию постоянно трясло от революционных волнений, создали популярность юному художнику не только среди одноклассников. Учитель же ему, единственному в

классе, как это видно из четвертной ведомости, ставил пятерки с плюсом.

Близко знавшие Володю заинтересованные и наблюдательные воспитатели уже тогда обратили внимание на одну удивительную его черту. Он отличался какой-то своеобразной застенчивостью, сковывавшей его и подчас очень трудно преодолимой. Одно из возможных объяснений этого лежит в том, что в детстве Маяковский опережал своих сверстников в физическом развитии, внешне выглядел года на два-три старше своих лет.

И дружил, «водился» обычно не с ровесниками, а с более старшими ребятами, которые допускали его в свои компании. Тут-то и могла иногда возникнуть боязнь сказать что-то не так, не о том и тем самым «выдать», «разоблачить» себя как еще «малолетку».

А теперь перенесемся в 1914—1915-й годы, время дерзких публичных выступлений Маяковского и его товарищей-футуристов, время ниспровержения прежних кумиров и утверждения нового искусства. В артистическом кабаре Петрограда «Бродячая собака» впервые увидел выступление Маяковского Максим Горький. Послушав молодого поэта, Горький сказал: «Зря разоряется по пустякам! Какой талантливый! Грубоват? Это от застенчивости. По себе знаю». А известный художник, сотоварищ поэта по московскому Училищу живописи, ваяния и зодчества, вспоминал о том, как у Маяковского, готовившегося к первым поэтическим выступлениям, за кулисами тряслись губы от страха. Наконец, собравшись, задавая себе ритм собственными стихами, поэт решительно, почти строевым шагом выходил на эстраду. Возможно, здесь кроется один из истоков такого обилия у Маяковского различных маршей (от «Нашего марша» и «Левого марша» до «Урожайного марша» и «Марша двадцати пяти тысяч»), поэтических «Приказов по армии искусств» и т. п.

Отметим еще некоторые моменты, вынесенные Маяковским из «грузинского» детства во взрослую творческую жизнь.

Среди них, несомненно, — особенности приобщения поэта к родному русскому языку. Конечно, впитывался и познавался родной язык «с молоком матери». Это был язык его семьи, родственников, ближайших знакомых, язык товарищей и друзей Маяковского, язык, на котором ему преподавали в школе, гимназии. Однако русская община и в селе Багдади, и в городе Кутаиси была все же численно ограничена. Стихия простонародной речи, «языка улицы», базара, толпы была все же иной — грузинской. Будущий поэт с детства рос в среде двуязычия, причем оба эти языка, русский и грузинский, их особенности и различия воспринимал еще на слух, на фонетическом уровне. Отсюда, из детства, идет обостренное ощущение Маяковским-поэтом фонетического «аромата» слова, в том числе слова-рифмы, его игра различными необычными словоформами и производными слов, сам вкус к слову «как таковому», к «самовитому слову».

Впрочем, «вкус» был не только к слову, но и к отдельной букве, к ее звучанию, к ее графике (надо упомянуть особую, очень своеобразную графику, вязь грузинского письма, знакомую поэту с детства). И в ранних стихах Маяковского находим, например, строчки: «Город вывернулся вдруг. // Пьяный на шляпы полез. // Вывески разинули испуг. // Выплывывали / то “О”, / то “S”» («В авто», 1913). Или: «Громоздите за звуками звук вы // и вперед, / поя и свища. // Есть еще хорошие буквы: // Эр, / Ша, / Ща» («Приказ по армии искусства», 1918).

Из детства вынесено поэтом и ощущение себя частью народа, всего народа, а не какой-то его «элиты» или дворянства, а вместе с ним — дух революционности, свободы, нетерпимости к любому притеснению, деспотизму, который был впитан одиннадцати-двенадцатилетним

Семья В.В. Маяковского.
Стоят: отец Владимир Константинович
и сестра Людмила.
Сидят: (слева направо) сестра Ольга,
Владимир Маяковский, мать Александра
Владимировна. Кутаиси, 1905 г.

гимназистом-романтиком в период первой русской революции 1905 года.

Город Кутаиси, Кутаисская губерния в истории первой русской революции остались в числе наиболее «бурлящих», известных всей стране мест. Конечно, гимназист Маяковский не мог остаться в стороне от этих событий, пришедшихся на его самый романтический, самый восприимчивый возраст познания мира во всей его полноте и неповторимости. Он участвовал в манифестациях, ходил на демонстрации, пел «Марсельезу», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», запоем читал брошюры и газеты «крамольного» содержания. «Я / жирных / с детства привык ненавидеть», — позднее скажет поэт об этом времени (поэма «Люблю», 1922).

В 1906 году, в феврале, неожиданно умер отец поэта. Семья осталась без средств, отец год не дослужил до полной пенсии. Летом 1906 года после завершения учебного года вся семья навсегда покинула Грузию. Выехали в Москву, где на 3-м курсе «Строгановки» училась старшая сестра Люда. Маяковскому исполнилось 13 лет. «После похорон отца — у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было», — писал Маяковский об этих днях в автобиографии (1922).

Маяковский обладал феноменальной памятью. Громадная часть из того, что будущий поэт в детстве со свойственной возрасту страстью познавал, впитывал, читал, видел, слышал, запала ему в память и в дальнейшем, так или иначе отразилась в стихах.

Весной 1914 года, а затем уже в 1920-е годы Маяковский с радостью несколько раз посещал Кавказ. Нежнейшие строки посвятил поэт «радостному краю» своего детства. Образы Грузии, Кавказа возникают в строчках и строфах стихотворений «Владикавказ — Тифлис» (1924), «Тамара и Демон» (1924), «Мексика» (1925), «Нашему юношеству» (1927).

Однако в целом для Маяковского-поэта самостоятельной эстетической темой Грузия не стала. С Кавказа он увозил свои стремления и дерзания, свои первые впечатления и мечты, амбиции осознающего себя юного художника и романтическую жажду революционных подвигов. Широкой ареной для их воплощения представляла перед будущим поэтом Россия.

МОСКВА: НАЧАЛО ТВОРЧЕСТВА

Москва встретила Маяковских не особенно ласково.

В автобиографии «Я сам» (1922) поэт писал о начале московской жизни: «Сняли квартиренку на Бронной. С едами плохо. Пенсия — 10 рублей в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10—15 копеек».

«Квартиренки» в Москве, подешевле да попроще, семейству Маяковских пришлось в эти годы менять не однажды. Пенсия за отца и заработки разрисовкой, выпиливанием и выжиганием кустарных изделий — коробок, рамок, стаканов для карандашей, пасхальных яиц и т. п. — позволяли едва-едва сводить концы с концами.

Володя перевелся в четвертый класс Пятой московской классической гимназии, что помещалась на углу Поварской и Большой Молчановки. В одном классе с Маяковским учился Александр Пастернак (в будущем — архитектор), а двумя классами старше — его брат, будущий поэт Борис Пастернак. Но и в этой гимназии новичок-кутаисец вскоре почувствовал себя старше своих соучеников, взрослым среди детей. Новички обычно получали от старших гимназистов свою долю розыгрышей, а то и издевательств, но физически сильного и неразговорчивого новичка Володю Маяковского не трогали, а более слабые искали его защиты. «Меня поражала в Маяковском какая-то привлекательная наивная доверчивость, вероятно, результат его обособленной жизни, далекой от мелких ин-

тересов гимназической среды, — вспоминал А. Пастернак. — Он по своим качествам мог быть душой класса. Однако он был одинок в классе. Мои попытки сблизиться с ним не увенчались успехом, он на какой-то ступени уходил в себя и замыкался. Между прочим, этим он отличался и позже».

Володя сблизился с более старшими товарищами, со студентами, снимавшими у Маяковских комнату. Он начинает посещать социал-демократический кружок, существовавший в Третьей гимназии. Выполняет отдельные нелегальные поручения социал-демократической партии — по связи между революционерами, передаче записок, листовок, сообщений об изменениях паролей и т. п. Получает партийную конспиративную кличку «Константин». А в донесениях агентов полиции появляются сведения о наружных наблюдениях за «Высоким», воспроизводящие хождения Маяковского по Москве.

В 1908—1909 годах один за другим следуют три ареста Маяковского. То задержали со свертком прокламаций, то по подозрению в причастности к нелегальной типографии, то — к организации побега политкаторжанок из женской Новинской тюрьмы в Москве. В общей сложности Маяковский провел в заключении 11 месяцев. В конце концов по несовершеннолетию и отсутствию прямых улик был выпущен под надзор полиции и родительскую ответственность.

Весной 1908 года, чтобы из-за политических арестов не получить «волчий билет» без права дальнейшей учебы, Маяковскому пришлось «по состоянию здоровья» уйти из гимназии.

В августе 1908 года Маяковский поступил в подготовительный класс Строгановского училища, где занимался до лета 1909 года. В июле 1909 года был арестован (в 3-й раз).

«11 бутырских месяцев. Важнейшее для меня время, — писал поэт в автобиографии “Я сам”. — После трех лет теории и практики — бросился на беллетристику. Пе-

речел все новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрана формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Отчитав современность, обрушился на классиков. Байрон, Шекспир, Толстой».

По выходе в январе 1910 года из тюрьмы Маяковский партийную работу решил не возобновлять. «Вышел взбодраженный, — продолжает он в автобиографии. — Те, кого я прочел, — так называемые великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их. Только нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. Я должен пройти серьезную школу. А я вышиблен даже из гимназии. Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы?.. Хочу делать социалистическое искусство».

В этот период будущий поэт свою причастность к искусству больше связывал с живописью. Стихи, написанные в тюрьме, восстановить по памяти не пытался, хотя в дальнейшем началом своей поэтической работы называл именно 1909 год.

Строгановское училище с его ориентацией на подготовку художников-прикладников Маяковского не удовлетворяло. Осенью Владимир приходит в студию художника П. П. Келина, чтобы подготовиться к поступлению в Училище живописи, ваяния и зодчества.

В августе 1911 года он сдал экзамены в Училище живописи, ваяния и зодчества, был принят сразу в фигурный класс (минуя подготовительный, так называемый «головной»). Училище стало новой ступенью учебы художника и поэта Маяковского. Здесь он сошелся с талантливым, приехавшим из провинции Василием Чекрыгиным (1897—1922) и сыном известного московского архитектора Львом Жегиним (Шехтелем, 1892—1969). «Среди довольно серой и мало чем замечательной массы учеников в классе выделялись тогда две ярких индивидуальности: Чекрыгин и Маяковский, — вспоминал позднее Л. Ф. Жегин. — Обоих объединяло тогда нечто вроде дружбы. Во

всяком случае, Маяковский относился к Чекрыгину довольно трогательно, иногда как старший, добродушно прощая ему всякого рода “задирания” и небольшие дерзости вроде того, что, мол, тебе бы, Володька, дуги гнуть в Тамбовской губернии, а не картины писать. По существу, Маяковский был отзывчивый человек, но он эту сторону своего “я” стыдливо скрывал под маской напускной холодности и даже грубости».

Между тем поэзия, поэтическое творчество вновь постепенно начинают овладевать Маяковским. «Забравшись в какой-нибудь отдаленный угол мастерской, Маяковский, сидя на табуретке и обняв руками голову, раскачивался вперед и назад, что-то бормоча себе под нос, — вспоминает Л. Жегин. — Точно так же (по крайней мере в ту пору) создавал Маяковский и свои графические образы». Вскоре В. Н. Чекрыгин и Л. Ф. Жегин примут самое непосредственное участие как художники и как переписчики в подготовке первого выпущенного литографическим способом стихотворного сборника Маяковского — «Я».

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В сентябре 1911 года для продолжения своего образования в Училище живописи, ваяния и зодчества поступил Д. Д. Бурлюк (1882—1967) в старший, натурный класс. Это был художник и литератор достаточно зрелый, хорошо знакомый с новейшими течениями западноевропейского искусства, литературы, ранее учившийся в Мюнхенской академии художеств, в Школе изящных искусств в Париже. В Москву Бурлюк приехал после окончания Одесского художественного училища с идеями новых путей в искусстве, в поисках единомышленников, последователей.

Обратимся опять к автобиографии Маяковского «Я сам» (1922): «В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались. Расхохотались друг в друга. Вышли шлаться вместе. Разговор. У Давида — гнев обогнавшего современников мастера, у меня — пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм. Днем у меня вышло стихотворение. Вернее — куски. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: “Да это ж вы сами написали! Да вы ж гениальный поэт!”. Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: “Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский”. Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное, печатаемое) — “Багровый и белый” и другие».

Так весной 1912 года произошло сближение Маяковского с Д. Бурлюком. Складывается и начинает активно о себе заявлять группа единомышленников, провозгласив-